

Юй Чанцин повернул голову, посмотрел на него, затем кивнул остальным и медленно вернулся в дом.

Все невольно смотрели на его спину, думая, что даже если не видеть его лицо, одного лишь силуэта достаточно, чтобы заворожить. Непроизвольно в голову приходили такие слова, как «чистый ветер и яркая луна», «неземной и прекрасный». Его вид действительно радовал глаз.

Только когда его фигура полностью исчезла за дверью, люди с сожалением отвели взгляды. Ван Дачжуан заметил, что они продолжают исподтишка поглядывать на дом, и у него на душе стало неуютно. Ему хотелось подойти и не просто закрыть окна, а наглухо их заколотить! Но он не мог. Погода стояла жаркая, если запереть окна, Сяньцзюнь задохнётся в духоте. Поэтому ему пришлось сдерживать своё недовольство и заняться разделкой кабана.

Даже просто осознание того, что в доме находится Юй Чанцин, как будто накладывало на всех невидимые узы. Хотя он не находился во дворе, люди сами собой выпрямились и стали вести себя сдержаннее. Смех стих, громкие разговоры тоже — даже голоса они невольно понижали. Перекинувшись с Ван Дачжуаном парой фраз о том, что если понадобится помощь, он всегда может обратиться, соседи один за другим стали расходиться. Уходя, каждый словно по привычке кидал взгляд на распахнутое окно дома, но его обитатель так и не появился.

Их воображение было ограничено обыденностью, они не могли представить, что в мире существует кто-то настолько прекрасный. Описание «кожа, как снег, кости, как яшма» подходило ему идеально. Сегодня, увидев такого красавца в доме Ван Дачжуана, они действительно расширили свои горизонты.

Двор постепенно опустел, остался лишь дядя Ван Ушу. Он помог Ван Дачжуану снять и отложить шкуру дикого кабана — позже её можно будет обработать и продать или сшить из неё обувь и защитные накладки для ног. Затем он занялся внутренностями, отделил кости и разделил мясо на несколько крупных кусков. Перед уходом Ван Дачжуан настойчиво вручил ему хороший ломоть свинины. Дядя Ван Ушу сначала отказывался, но в итоге, услышав, что мясо предназначено для его снохи, которая недавно забеременела, улыбнулся и всё же взял подношение.

Когда двор был приведён в порядок, Ван Дачжуан на некоторое время задумался. В конце концов он оставил себе один кусок мяса, а остальное аккуратно упаковал. Потом отправился к дяде Ван Ушу, чтобы одолжить телегу с быком. Надо было поскорее отвезти мясо в город — в такую жару без засолки оно быстро испортится. В городе за него можно выручить хорошие деньги: богатые люди любят лакомиться дичью.

А ещё — это удачный случай купить новую одежду для Сяньцзюня. Такой человек, словно небожитель, а носит старую, чужую одежду — разве это не слишком несправедливо? К тому же она ему и по росту не подходит.

Что касается его прежней одежды, она слишком привлекает внимание, так что пока её лучше не носить.

Да и, если честно, Ван Дачжуан вовсе не хотел, чтобы Сяньцзюнь вновь облачился в белоснежные одежды.

Когда он был в них, казалось, что он возвышается над миром, вот-вот поднимется в небеса, в недосыгаемую даль. Поэтому, хоть одежда и была красивой, Ван Дачжуану не нравилось, когда он её носил.

А сейчас всё иначе. Сяньцзюнь одет в его простую деревенскую одежду, живёт под его крышей, дышит тем же воздухом. Он... пусть и не смеётся, но сердится, говорит, дышит, живёт — и даже в этом есть что-то по-человечески тёплое.

Ван Дачжуан собрал вещи, запряг телегу и зашёл в дом, где Юй Чанцин сидел в медитации.

— Сяньцзюнь, я поеду в город продать лишнее мясо. Там есть вкусные пирожки, я куплю тебе. Хотя ты не любишь сладкое, есть и с солёной начинкой.

Юй Чанцин открыл глаза.

— Я поеду с тобой.

— Но ты же устал... — невольно возразил Ван Дачжуан.

— Я не устал. Город — это не дикие горы, неужели я не могу туда поехать?

Ван Дачжуан пробормотал:

— Ты такой красивый, все будут смотреть на тебя, а не на мясо. А если какая-нибудь знатная барышня увидит тебя и захочет увести силой? Ты же ещё не оправился от ран, не сможешь защищаться, а я... я бесполезен, не смогу тебя спасти. Как тогда с моей сестрой, я и её не смог спасти.

Вспомнив, как не сумел защитить сестру, он заговорил ещё тише.

Услышав его шёпот, Юй Чанцин почувствовал, как его раздражение утихает, заменяясь спокойствием. В этом спокойствии была и тень жалости. Он поднялся, подошёл к Ван Дачжуану и мягко сказал:

— У меня есть способ сделать так, чтобы люди не смотрели на меня.

Ван Дачжуан вскинул голову.

— Какой способ?

Юй Чанцин поднял руку, и, с лёгким взмахом рукава, его лицо изменилось — стало заурядным и неприметным. Хотя его фигура по-прежнему привлекала внимание, он больше не выглядел столь ослепительным.

Ван Дачжуан вытаращил глаза, несколько раз протёр их, а затем в изумлении воскликнул:

— Сяньцзюнь, это же божественная магия, да?! Как ты...

Юй Чанцин заложил одну руку за спину и равнодушно ответил:

— Всего лишь незначительное иллюзорное заклинание. Оно может обмануть только простых смертных и тех, чья сила уступает моей.

Ван Дачжуан был в полном восхищении. Он несколько раз обошёл Юй Чанцина, разглядывая его с разных сторон, и уже собирался рассыпаться в новых похвалах, когда вдруг вспомнил нечто важное. С тревогой в голосе он спросил:

— Но, Сяньцзюнь, разве тебе нельзя использовать эту... духовную силу? Это не опасно?

Юй Чанцин ответил спокойно:

— Не беспокойся. Хотя мои меридианы ещё не полностью исцелились, они уже восстановились достаточно. Подобные мелкие заклинания требуют совсем немного энергии и никак не повлияют на моё состояние.

Ван Дачжуан облегчённо вздохнул, а затем с новой силой воскликнул:

— Сяньцзюнь, ты действительно невероятный!

Но Юй Чанцин лишь спокойно направился к выходу. Уже у дверей он обернулся и сказал:

— Меня зовут Юй Чанцин, моё даосское имя — Ханьян, а учитель дал мне имя Ниньюй. Ты можешь называть меня Ниньюй.

Кроме его учителя и старшего брата, никто прежде не называл его этим именем. Но внезапно ему захотелось услышать этот знак близости из уст Ван Дачжуана.

Тот задумчиво повторил:

— Ниньюй... красивое имя. А что оно значит?

Юй Чанцин ответил:

— Это означает «снег».

Ван Дачжуан, выходя за порог и закрывая за собой дверь, пробормотал:

— Снег? Сяньцзюнь, я, конечно, не хочу тебя обидеть, но твои имена — всё сплошной холод. Неудивительно, что ты всегда такой холодный и не можешь согреться. Почему твой учитель не дал тебе что-нибудь потеплее?

Юй Чанцин бросил на него мимолётный взгляд и, продолжая идти, ответил своим холодным голосом:

— Я сам по себе холоден и безразличен. Даже если бы мне дали тёплое имя, это бы ничего не изменило.

Ван Дачжуан, закрывая калитку, недовольно пробурчал:

— Ну что ты всё время говоришь о себе плохо? Ты же хороший, что за глупости! Кто сказал, что ты бесчувственный? Главное — не то, что снаружи холодно, а что в сердце тепло!

Юй Чанцин хотел было сказать, что в сердце у него тоже холодно. Но, взглянув на радостного Ван Дачжуана, передумал.

Поездка в город, да ещё и с попутчиком, казалась Ван Дачжуану чем-то новым и радостным. Он с воодушевлением очистил место в телеге для Юй Чанцина, усадил его, а сам сел на облучок, взял кнут и погнал быка. Проехав немного, он вдруг радостно обернулся и сказал:

— Сяньцзюнь, у тебя такое красивое имя, а у меня его нет. Ты же великий мастер, придумай и мне что-нибудь!

Он снова назвал его «Сяньцзюнем» — привычка оказалась сильнее.

<http://bllate.org/book/12569/1117923>